

Урманов В.Н.,
 Doctor of Historical Sciences,
 chairman of the Committee on Civil Defense and
 Emergencies of Administration of Tomsk Region

FOOD PROBLEMS OF CONVICTS IN PENAL SYSTEM OF THE USSR IN THE 1920-30TH YEARS (ON THE EXAMPLE OF THE WEST SIBERIAN REGION)

In the article, on the basis of normative legal acts and archival materials questions of food of convicts in penal institutions of the Western Siberia are considered. For the first time in a domestic historiography questions of food of specialsettlers in the 1920-1930th years are analyzed. The author's study makes it possible to conclude that the given problem wasn't resolved because of the existed political regime.

Key words: penal system, convicts, Western Siberia, food standards for convicts, People's Commissariat of Internal Affairs.

Урманов В.Н.,
 председатель Комитета по вопросам гражданской обороны
 и чрезвычайным ситуациям Администрации Томской области,
 доктор исторических наук
 E-mail: MEG120001@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ СССР В 1920–1930-Х ГОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО РЕГИОНА)*

В статье на основе нормативных правовых актов и архивных материалов рассматриваются вопросы питания заключенных в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири. Впервые в отечественной историографии анализируются вопросы питания спецпоселенцев в 1920–1930-х годах. Предложенный автором анализ ситуации с питанием спецконтингента в рассматриваемый период позволяет говорить о нерешенности проблемы из-за существующего политического режима.

Ключевые слова: пенитенциарная система, заключенные, Западная Сибирь, нормы питания заключенных, НКВД.

С лом старой пенитенциарной системы, оставшейся от царизма, и попытка создания большевистским руководством России новой, на основе совершенно отличных от прежней принципах изоляции и содержания преступников, породило множество вопросов и проблем, решение которых, особенно в начале 1920-х гг., было почти неразрешимым в тех условиях.

Материальная база пенитенциарной системы была слабой, условия содержания тяжелыми. По причине отсутствия материальных и

людских ресурсов пришлось практически без изменений использовать старую систему исполнения наказаний. Но если на 1 сентября 1917 г. в пенитенциарной системе России функционировали 719 тюрем, 495 полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости, 23 гаувахты, 7 тюрем военного ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 учреждение для несовершеннолетних, а также более тысячи арестных помещений при полиции¹, то к 1922 г., по данным А.А. Иванова, со ссылкой на Б.С. Утевского, большая часть из оставшихся

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Томской области. № проекта: 14-13-70002.

355 тюрем была «перепрофилирована» большевиками, в тюремных корпусах были размещены школы и другие культурно-воспитательные учреждения (36), гостиницы (3), больницы (10), различного рода советские учреждения (59), склады (16), жилые помещения (32), были полностью разрушены и сожжены 37 тюрем².

Оставшиеся места заключения были чрезмерно переполненными, одной из важнейших проблем было питание изолированных контингентов. Например, в Кузнецкой тюрьме (ныне Кемеровская область) арестованные не получали горячей пищи с 20 июня до 13 августа 1920 г. Кроме того, тюремная администрация с 20 июня лишила всех арестованных передач провизии. Все питание сводилось к 1 фунту хлеба в день.

Уездная тюрьма в г. Кузнецке находилась «в подвальном помещении казенного винного склада. Помещение это совершенно сырое, душное и холодное, пригодно для хранения овощей и скоропортящихся продуктов питания, но отнюдь не для жилья живым существам, если таковыми могут быть признаны арестованные». Около 100 арестованных содержались в помещении размером около 64 м². С учетом разделения помещения на 3 камеры и наличия двухъярусных нар на одного человека приходилось примерно 1,3 квадратных метра³. Из-за наличия спиртовых испарений, что вредно отражалось на здоровье арестованных, они были переведены в один из купеческих домов и только в конце 1920-х г. было построено деревянное здание тюрьмы.

В Каргатском арестном доме (ныне Новосибирская область) «арестованные не получали никакого продовольствия с 19 октября по 1 ноября 1921 г., т. е. 13 дней»⁴. Следует заметить, что в камерах на 250 мест в это время находилось более 600 заключенных.

О дефиците продуктов может свидетельствовать и информация инспекции мест заключения административного отдела Томского губисполкома о режиме содержания. Так, по данным на 1922 г., в Томском исправтруддоме подъем осуществлялся в 6 часов утра, с 6 до 7 часов – уборка и утренний чай. С 8 часов и до 5 часов вечера – работа в мастерских и на внутрихозяйственных работах с перерывом на обед в 12 часов дня. В 5 часов – вечерний чай

и через день ужин (выделено автором. – *Прим. автора*)⁵.

В 1922 г. Госпланом было выделено 100 тыс. пайков почти на 200 тыс. заключенных. Принцип их распределения был установлен следующий. В районах, пораженных голодом, пайки отпускались почти полностью. В более благополучных местностях один паек отпускался на двух человек. Ухудшение питания происходило по причине того, что нормы, установленные Госпланом для заключенных на месяц: 30 фунтов (12,285 кг – здесь и далее будет переведенная в граммы и килограммы норма. – *Прим. автора.*) муки, 7,5 фунта (3,071 кг) крупы, 5 фунтов (2,048 кг) мяса или рыбы, 1 фунт (409,5 г) жиров, полфунта (204,8 г) сахару, 1/8 фунта (51,2 г) кофейного напитка и 1,5 фунта (614,3 г) соли, на местах полностью не выдавались. В зависимости от наличия продуктов нормы сокращались на 25 % и более. По обобщенным данным калорийность питания заключенных составляла от 600 до 2 000 и немногим более калорий, для 46,8 % из них – не превышала 1 200 калорий.

По этой причине Наркомост СССР (далее – НКЮ) 7 октября 1922 г. издал особый циркуляр № 96, устанавливавший минимальную норму питания и ежесуточное количество продуктов питания из 11 наименований. Для лиц, занятых физическим трудом, требующим особой затраты мускульной энергии, норма была определена в 2 788,82 калории, для политзаключенных – в 2 508,37, для незанятых физическим трудом – в 2 220,16 калорий⁶.

В циркуляре отмечалось, что нормы были выработаны на междуправительственном совещании представителей НКЮ, ЦИТО, НКВД, ГПУ и РКИ, которое на основании Инструкции Медикосанитарной части для мест лишения свободы, утвержденной 21 июля 1921 г. в приказе Наркомпрода № 1050 – 1920 г., «во избежание излишней переписки, могущей возникнуть из-за отсутствия некоторых продуктов питания в нормах Госплана, и для урегулирования норм питания заключенных всех категорий».

Утверждая нормы, НКЮ сразу сделал оговорку, что администрация мест лишения свободы могла, в случае надобности, заменять продукты «приблизительно соответствующими по калорийности», т. к. Госпланом на

1922–1923 экономический год для заключенных устанавливались нормы только следующих продуктов: муки и крупы вместе – 40, мяса – 5, жиров – 1, картофеля – 30 фунтов⁷.

В сопроводительном письме от 18 октября 1922 г. № 15545, подписанным начальником ГУМЗ Е. Ширвиндтом, начальникам губернских УМЗ вменялась обязанность «непосредственно принимать меры к урегулированию питания заключенных и доведении такового до установленной нормы»⁸. Но и в 1924 г. ситуация с питанием не изменилась (см. табл. 1)⁹.

Различия норм питания у заключенных в 1922 г., если судить по общему весу продуктов, не очень заметны, политические получали

всего на 42,1 г больше. Но качество продуктов было заметно различным (в скобках расчет на месяц) – хлеба политические получали (должны были получать) в 1,5 раза больше (6,444 кг), мяса – на 64,8 г (1,944 кг), жиров – на 13,6 г (408 г), сахара – на 20,4 г (612 г), соли – на 11,9 г (35 г), и если обычные заключенные получали 0,9 г чая, то политические – 3,4 г кофе. «Преимущества» обычных заключенных выражались в 34,1 г крупы, 40,5 г – муки подболточной и 204,8 г корнеплодов (409,5 г картофеля у политических заменялись таким же количеством овощей). Отсюда и энергетическая ценность питания у политических заключенных на 288 калорий выше.

Таблица 1

Суточная норма питания заключенных
(в соответствии с циркуляром НКЮ от 7 октября 1922 г. № 96
и циркуляра ГУМЗ от 21 августа 1924 г. № 364)

Наименование продуктов	1922 г.		1924 г.	
	Для заключенных / для политических заключенных*		Количество (г)	Энергетическая ценность (кал.)
	Количество (г)	Энергетическая ценность (кал.)		
Хлеб	409,5/614,3	840/1260	500	1025
Крупа	136,5/102,4	486/365	87	310
Мука подпирочная	49/8,5	24/30	–	–
Мясо	136,5/204,8	188/282	105	145
Корнеплоды	204,8/–	86/–	–	–
Картофель	409,5/–	384/–	206	193
Жиры	20,5/34,1	156/259	–	–
Чай	0,9/–	–/–	–	–
Сахар*	13,7/34,1	56/140	–	–
Соль	13,7/25,6	–/–	25	–
Лук	8,5/8,5	–/–	8	–
Овощи	–/409,5	–/172	–	–
Кофе	–/3,4	–/–	–	–
Капуста	–	–	147	77
Свекла	–	–	37	
Горох	–	–	21	
Пшено	–	–	65	306
Масло растительное	–	–	20	
Перец или лавровый лист	–	–	0,2	–
Мука подболточная	–	–	5	18
Итого:	1 403,1/1 445,2	2 220/2 508	1 226,2	2 226

* Для политических заключенных дополнительно полагалось 400 папирос и 3 коробка спичек в месяц.

В целях установления единообразия питания для лиц, лишенных свободы, 21 августа 1924 г. циркуляром НКВД № 364 были определены ассортимент продпайка из 13 наименований и примерная раскладка, по которой надлежало производить отпуск продуктов для приготовления пищи заключенным. В соответствии с этим документом заключенным, работавшим на бесплатных хозработках, полагалась добавка хлеба по 200–300 г в день. Работавшие на оплачиваемых работах заключенные могли улучшать питание за счет заработанных денег.

Определение ассортимента ни в коей мере не являлось гарантией его наличия на местах. Так, губинспектор Жариков в это же время указал начальникам Новониколаевских ИТД № 1 и ИТД № 2, что в виду имевшегося ограниченного запаса продуктов выдачу его на довольствие заключенным сократить – крупы, корнеплодов и картофеля – на половину. В случае выдачи крупы не полагалось выдавать картофель и корнеплоды и, наоборот, при выдаче картофеля и корнеплодов – не выдавать крупы. А «при имении тех и иных продуктов выдавать их в половинном количестве против утвержденной раскладки»¹⁰.

В октябре 1925 г. в соответствии с циркуляром ГУМЗ НКВД № 531 норма суточного пайка хлеба была увеличена с 520 до 600 г, а в праздничные дни 1 мая и 7–8 ноября устанавливалось улучшенное питание путем дополнительной выдачи в день 400 г белого хлеба, 4 г чая, 25 г сахара и отпуска мяса в двойном размере для приготовления пищи в эти дни¹¹.

Практика же показывала, что выполнить «праздничные нормы» было сложно. Так, инспектор мест заключения Новосибирской окринспекции Иванов 28 апреля 1927 г. был вынужден испрашивать у Краевого инспектора разрешение о выдаче заключенным на 1 Мая: белого хлеба – 1 фунт, мяса до 136 г, по 3 куска сахара (5 г) и 3 золотника (12,5 г) чая, т. е. в объемах, меньших установленного. Предполагалась и выдача по 1/16 фунта махорки для неработающих и по пачке папирос работающим в цехах, на производствах и внешних работах. Полученная резолюция гласила, что необходимо руководствоваться циркуляром 1925 г. и до 50 % расходов отнести на средства лавок и рабочей части¹².

Сложно судить о том, кто и на основании чего разрабатывал нормы питания для заключенных Сибири, но по норме отпуска продуктов была определена цифра в 2 308 калорий. В отчете деятельности мест заключения Сибири в четвертом квартале 1925 г. приведена таблица с примерным количеством калорий продуктов, отпускаемых на питание заключенных (см. табл. 2)¹³.

Простой арифметический расчет показывает, что питание заключенных Тарского, Барнаульского и Омского ИТД, Славгородского и Кузнецкого домов заключения составляло менее 600 калорий в день (от 473 – в Тарском до 581 – в Омском ИТД). Это меньше, чем в более голодном 1922 г. Наиболее благополучной была обстановка в Рубцовске, во всех остальных местах заключения ни о каком даже приближении к нормам положенности говорить не приходится. В связи с недостатком средств и отсутствием кредитов на приобретение продуктов питания для заключенных, содержащихся сверх штата, начальство отдельных мест заключения вынуждено было сокращать продпайки заключенным до 50 %.

Появлением новых контингентов в пенитенциарной системе озаменовались 1930-е годы. В первую очередь, это крестьяне, отнесенные к категории кулаков, – жертвы политики раскулачивания и коллективизации, позднее – деклассированные элементы, в конце 1930-х гг. – выселенные «социально чуждые» из стран Балтии, западных районов Украины и Белоруссии в результате присоединения этих территорий к СССР. В Западную Сибирь были переселены сотни тысяч человек. Наиболее тяжелая доля досталась первым переселенцам – «кулакам» и их семьям, которым довелось обживать незаселенные и необжитые таежные районы.

Об условиях размещения, например «кулаков» Омского округа, свидетельствовал доклад работника краевого земельного управления Белокобыльского: «высланные кулаки расселены за болотами на весьма низком месте – четыре поселка во время весеннего половодья затопляются. По приблизительному подсчету можно насчитать 2 500 га чуть-чуть возвышенных мест, остальная часть заболочена и покрыта моховыми ярмовыми болотами...

Нормы питания в местах заключения в Сибири (по данным 1925 г.)

№ п/п	Наименование мест заключения	Полагалось по норме отпуск продуктов в калориях на 3 дня	Фактически отпускалось продуктов в калориях (% от нормы)
1	Канский домзак	6 924	4 186,62 (60,5)
2	Томский ИТД	6 924	2 794,0 (40,4)
3	Томский домзак	6 924	2 290,8 (33,1)
4	Марининский домзак	6 924	1 943,48 (27,9)
5	Кузнецкий домзак	6 924	1 693,0 (24,5)
6	Щегловский домзак	6 924	2 143,15 (30,9)
7	Каменский домзак	6 924	2 243,50 (32,4)
8	Новониколаевский ИТД № 1	6 924	2 072,24 (29,9)
9	Барнаульский ИТД	6 924	1 535,26 (22,2)
10	Бийский ИТД	6 924	2 173,97 (31,4)
11	Рубцовский домзак	6 924	5 684,10 (82,1)
12	Омский ИТД	6 924	1 743,0 (25,2)
13	Тарский ИТД	6 924	1 419,0 (20,5)
14	Тюкалинский ИТД	6 924	1 845,0 (26,7)
15	Славгородский домзак	6 924	1 649,0 (23,8)
16	Барабинский домзак	6 924	2 299,42 (32,5)

Постройка произведена: избышки без моху, прорезаны окна, но не застеклены ввиду отсутствия стекла, крыши отсутствуют, заброшены кое-как березовой корой, полы в очень редких избышках деревянные, большинство – земляные. На вспаханных почвах произрастание огородных культур остановилось на стадии развития первых листьев. ...До 16 июня включительно, в утренние зори температура доходила до ноля градусов, было несколько инеев, почва в низких местах до сих пор промерзшая, протаяла не более чем на 1–1,5 метра... Заниматься там сельским хозяйством, учитывая вышесказанное и большую затрату рабочей силы на раскорчевку леса, – хозяйственно нецелесообразно...».

Ввиду недостаточности продуктов в пищу добавляли травяные и древесные суррогаты, вместо чая употребляли перегнившие шишки. «Заболеваемость доходит до 80 процентов населения, преобладают желтизна, опухоли, ди-

зентерия, совершенно отсутствует какой бы то ни было учет, даже неизвестно о родившихся и умирающих...».

Заключением комиссии, в которой работал Белокобыльский, было предложение о переводе «кулацких» хозяйств в место, более пригодное для занятия сельским хозяйством¹⁴.

Следует заметить, что в таком положении по расселению оказались десятки тысяч сосланных семей и в 1932 г. Сиблаг ОГПУ выступил с инициативой о переселении 10 961 семьи в более благоприятные для проживания и работы места.

Другой проблемой, серьезно повлиявшей на жизнь спецпереселенцев, являлась организация снабжения продуктами питания. Непосредственный участник сопровождения в 1929 г. колонны переселенцев в междуречье Кети и Чулыма И. Бочарников рассказывал, что «при сопровождении колонн сухой пашк на дорогу выдавали лишь конвою и комендан-

там. Спецпереселенцам ничего из продовольствия не полагалось. ...Кое-кто ... успел захватить с собой толику ржаных сухариков, но ко дню сухопутно-пеше-тележного путешествия оных сухариков не оставалось в мешках ни грамма, и семьи питались бог знает чем. От голода и слабостей многие не могли двигаться, их укладывали на повозки. Многие от слабости и истощения умирали, их хоронили на обочине дороги...».

Летом питались подножным кормом – рыбой, ягодами, съедобными растениями, кедровыми шишками. Зимой, в первый год, питаться практически было нечем. От цинги, тифа и просто от истощения умирали тысячами. Хоронить не успевали и укладывали трупы в штабеля на берегу реки. На следующий (1930 г.) год стало поступать продовольствие и были созданы некоторые запасы. Но охрана активно разворовывала их, пропивала. «Муку, сахар, крупу по скудости запасов делили ложками. Соль – щепотью. Тушенка обычно уходила на сторону. ...После первой зимы от сорока тысяч человек лишенцев в живых осталось еще половина. После второй – едва пять тысяч. Подсчет был точный... Мужчин меньше, чем женщин. Стариков – единицы. Детей – никого...»¹⁵.

А вот как описала дорогу в ссылку М. Плотникова: «Сгрузив на подводу нехитрый скарб, со слезами и воем, семья Матвиев с еще несколькими такими же семьями – страдальцами покидает родную Максимовку. Их везут пока только в Омск, а отсюда, сотнями таких же несчастных, грузят на баржи и отправляют в долгий путь по рекам до Васюгана Нарымского края. ...На барже загнали нас всех в трюмы, а мы, дети, вылезли на палубу и смотрели, как по реке плыли ванны, тазы, кастрюли, подушки и другая домашняя утварь. Все у людей забирали и сбрасывали в Иртыш. Везли долго...».

...В поселке ссыльных жизнь шла своим чередом. ...Многие умирали с голоду. В поисках пищи (ягод, грибов, черемши) уходили в тайгу и, заблудившись, погибали. Да и медведи задирали часто. В поселке повесили лемех от старого плуга и постоянно били по нему железом, чтобы на звук могли выйти люди из тайги.

К зиме, кто выжил, в землянках соорудили

печки: зима в тайге суровая. Стали давать паек. На человека понемногу соли, муки, хлеба. Мама вспоминала: «Мать разрежет хлеб на кусочки, а мы все крошечки потом соберем и оближем то место, где хлеб лежал...»¹⁶.

Что касается организации питания спецпереселенцев, то в июне 1930 г. Наркомторгом СССР были даны указания союзным объединениям о выделении для спецпереселенцев следующих видов продовольствия, в частности для Сибири (в тоннах): муки – 9 743, крупы – 989, сахара – 313,9, масла растительного – 113,6, рыбы – 2 844, а также мыла – 60, овса – 2 400. Дошло ли это до переселенцев, можно лишь предполагать.

«В связи с окончательным решением вопроса о нормах снабжения спецпереселенцев» были приведены размеры этих норм: хлеба – 300 г в день или 6,5 кг муки в месяц (взрослое население, занятое на работах по освоению колонизационного фонда, подлежало снабжению из расчета 500 г хлеба в день или 10,8 кг муки в месяц), крупы – по 20 г в день (для отправляемых в особо отдаленные районы эта норма могла увеличиваться до 30 г, но при условии, если в приварке отсутствовали капуста, картофель и т. д.), сахар – 6 г взрослому и 12 г детям до 12-летнего возраста, растительное масло – ввиду крайней ограниченности его ресурса норма не была установлена, детям до 12 лет – не свыше 6 г в день, рыба – 75 г, мыло – в зависимости от ресурсов, исходя из примерной нормы от 50 г в месяц на одного человека¹⁷.

Нормы были разработаны по прошествии почти полугода после начала кампании переселения, а с учетом пробуксовки согласования вопросов на практике стали реализовываться, и в неполной мере, еще позднее. Выше уже отмечалась высокая смертность среди переселенцев, особенно детей и стариков. Приведем пример, когда заведующий Усть-Ягийльятским фельдшерским пунктом, докладывая в Омский окрздрав о положении в Кулайской комендатуре, 3 мая 1930 г. писал: «...За последнее время [число] больных увеличилось, болезни ... прогрессируют, общее опухание тела, кровавые поносы, сверлящие боли в животе, катары, простые поносы, запоры, вздутые животы и перитониты – страдают все возрасты, дети и взрослые, дети опухают и умирают от недоедания,

75 % населения имеют вид тела истощенного, землистого цвета.

Матери, роженицы и кормящие грудью детей переносят мучительные страдания. После родов питаются неразмолотой рожью, ... ребенка кормят суррогатами, каковые парит и дает, а в грудях молоко отсутствует. В подкрепление питания выдать муки или крупы... или еще что, это все отсутствует. ... Питание совершенно отсутствует, только выдается рожь цельем, 15 фунтов (6 кг. – *Прим. автора*) в месяц. В медикаментах недостатка не ощущается, но применение лечебной цели совершенно безрезультатно при отсутствии питания...»¹⁸.

В Запсибкрае для выселяемых также были разработаны и утверждены нормы путевого довольствия и снабжения на местах расселения. По этим нормам ежедневная выдача муки составляла 300 г, сахара взрослому – 6 г, детям – 9 г, подболтки – 2 г, соли – 15 г, крупы – 20 г, лука – 15 г, картошки – 195 г, капусты – 100 г, рыбы – 75 г и т. д. Перец и лавровый лист были исключены, животное масло не полагалось, а растительное – только детям. Но этого было явно недостаточно.

В Инструкции по организационному построению выселения кулацких хозяйств в северные районы Западно-Сибирского края также были определены нормы выделяемого продовольствия на одно хозяйство. Муки на 2 месяца – 72 кг, крупы – 5, соли – 3,6. Всего на семью – 81,4 кг (так в тексте. – *Прим. автора*) на 2 месяца. Исходя из вышеприведенных норм, в данном случае даны суммарные показатели из расчета 4 едоков в одном хозяйстве. А если их было больше, то нормы не увеличивались, просто порции уменьшались соответственно количеству едоков¹⁹.

Следует заметить, что в январе 1932 г. в связи с решением комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу высокой смертности детей спецпереселенцев младшего возраста (до 8 лет) – до 10 % ежемесячно, в том числе и в Запсибкрае, краевыми органами планировалось увеличение продпайка (дополнительного детского питания) в следующих размерах: муки – 12 кг в месяц вместо 8,6 кг, крупы – 1,5 кг вместо 0,8 кг, мяса или рыбы – до 2 кг вместо 1. Указывалось и на необходимость включения в месячный рацион до 3 кг овощей.

Если верить представленным документам, то Государство, в лице своих органов власти на местах, прилагало значительные усилия по решению вопросов, связанных со снабжением переселяемых сотен тысяч человек. Однако сложно найти какие-либо документы, которые могли бы пролить свет на реальное воплощение «громидья этих планов» в реалиях. Тысячи свидетельств говорят об одном – выживать приходилось только благодаря прилагаемым неимоверным усилиям и терпению в стремлении выжить. Но преодолеть тяжелейшие испытания суждено было не всем, десятки тысяч сгинули в тайге и болотах, которые они «преобразовывали» своим трудом.

Всего в комендатурах Сиблага по состоянию на начало марта 1932 г. насчитывалось 58,5 тыс. детей до 8 лет (22 % в составе спецпереселенцев). Если в январе 1932 г. было выделено 2 тыс. дополнительных пайков для детей, то в феврале – 11 тыс. Однако и они делились на категории: 50 % должны были выдаваться по себестоимости, 25 % – удешевлены и только 25 % предполагалось выдавать бесплатно²⁰.

Не улучшилась ситуация с питанием и в 1933 г. Так, в записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 г. в ЦКК ВКП(б) и РКИ отмечалось, что с момента передачи спецпереселенцев Наркомлесу «для трудового использования в лесной промышленности, т. е. с августа 1931 г., Правительством была установлена норма снабжения иждивенцев-спецпереселенцев на лесе из расчета выдачи в месяц: муки – 9 кг, крупы – 9 кг, рыбы – 1,5 кг, сахару – 0,9 кг. С 1 января 1933 г. по распоряжению Союзнаркомснаба нормы снабжения для иждивенцев были снижены до следующих размеров: муки – 5 кг, крупы – 0,5 кг, рыбы – 0,8 кг, сахару – 0,4 кг». В результате, положение спецпереселенцев резко ухудшилось. Были отмечены случаи поедания несъедобных суррогатов, кошек, собак, трупов павших животных. Выросла заболеваемость и смертность спецпереселенцев, были зафиксированы случаи самоубийств, возросла преступность. «Голодные спецпереселенцы воруют хлеб и скот у окружающего населения, в частности у колхозников...». Производительность труда в отдельных леспромхозах упала до 25 %. Отмечались случаи смерти спецпереселенцев от голода на рабочих местах или по

возвращении с работы²¹.

На фоне недостаточности выделяемых фондов для спецпереселенцев, отсутствия должного контроля за их расходованием на местах и т. п. было принято решение о введении в стране карточной системы для снабжения семей спецпереселенцев.

В результате мероприятий по паспортизации в апреле–мае 1933 г. на Томской пересылке скопилось до 25 тыс. чел., высланных из других регионов СССР. Многие были больны, истощены, плохо одеты. По мере очистки рек ото льда их начали грузить в баржи и отправлять по местам расселения в северные районы Нарымского края, в том числе более 6 тыс. чел. – в Александрово-Ваховскую комендатуру, где условия для приема подготовлены не были. Перевозка осуществлялась на 2 баржах, останавливались только по крайней необходимости. Почти 5 тыс. чел., находясь в непригодных для перевозки людей баржах, не имели возможности выхода на свежий воздух, в трюмах были только кадки с питьевой водой и параша. Никакие предметы хозяйственного обихода (кружки, ложки, чашки и т. п.) выданы не были. В дороге от Томска до места назначения умерли 34 чел. Такое же положение было и у 1 044 чел., двигавшихся вторым эшеломом.

Первые баржи высадили переселенцев 18 мая на небольшом острове Назино «против остяцко-русского поселка и пристани этого же названия (Александровский район, северная окраина Нарымского края)». Согласно докладу начальника Сиблага ОГПУ Горшкова в Москву решение о высадке на остров было принято комендатурой по «настоянию районных организаций... вопреки указанию Сиблага» о размещении ссылаемых в заранее подготовленных пунктах²². Погода была солнечная, теплая и люди разбрелись по острову. На следующий день выпал снег глубиной до четверти, поднялся ветер, ударил мороз. У высаженных на острове не было инструментов, чтобы сделать хоть какое-либо убежище, многие были в легкой одежде, от ненастья пытались спастись кострами, но это не помогало. Пошли холодные дожди. Такая погода держалась до середины июня. Первое питание – ржаную муку, начали выдавать на четвертый или пя-

тый день, до этого люди ели мох, гнилушки, кору. «Получив муку, люди бежали к воде и в шапках, портянках, пиджаках и штанах разводили болтушку и ели ее. При этом огромная часть их просто съедала муку (т. к. она была в порошке): падали и задыхались, умирали от удушья». Только отдельные пекли лепешки на костре.

Смертность была очень высокой, люди умирали десятками. К 20 августа из 6 100 чел. ... в живых осталось 2 200 чел. На острове имели место случаи людоедства... В акте медицинского обследования сосланных отмечалось, что при обходе острова были обнаружены «70 трупов, среди которых были ... 5 трупов с вырезанными мягкими частями тела, из них с вынутыми и не найденными человеческой печенью и сердцем, легкими... 21 мая 1933 г. к медпункту были доставлены самими уголовными 3 человека с человеческими печенками в руках и вымазанные кровью...

В конце мая людей стали отправлять на участки, отведенные под поселки. Но и это не было организовано, не было инструментов, продуктов питания. Истощение поселенцев достигло предела. Когда на один из участков пришла лодка, то в ней оказались живыми только 12 человек из 78...»²³.

Уже 15 сентября постановлением бюро крайкома ВКП(б) была создана комиссия «для расследования всех фактов и безобразий и точного установления виновников» с немедленным выездом на место.

31 октября 1933 г. комиссия подготовила докладную записку в ЦК ВКП(б) председателю ЦКК ВКП(б) Я.Э. Рудзутаку, секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, установив, что «приведенные факты в письме [Величко] в основном подтвердились». Отмечалось, что ссыльные действительно были направлены к месту расселения неподготовленными – не было соответствующей одежды, инструментов, предметов хозяйственного обихода и т. п. Несмотря на то, что караваны были снабжены продуктами питания, как на дорогу, так и на месяц проживания на месте расселения, котловое довольствие и снабжение печеным хлебом организовано не было. Было выявлено, что запасы продовольствия были размещены на другом берегу реки, имели ме-

сто случаи, когда тонны муки и печеного хлеба просто зарывались в землю, будучи испорченными при хранении дождями. Нашли свое подтверждение и случаи людоедства, органами ОГПУ были арестованы 11 чел., но комиссия не установила случаев людоедства по причине голода – «людоедством занимались исключительно садистский элемент».

Ужесточение политики государства к осужденным в 1930-е годы сопровождалось дальнейшим ухудшением их положения. Намеченный партийно-советским руководством страны курс на экономический «рывок» требовал скорейшего достижения результатов. Самым верным способом, по их мнению, была интенсификация труда, но не за счет использования достижений науки и техники, а за счет эксплуатации труда многомиллионной армии спецпереселенцев и заключенных.

Положение заключенных в эти годы не улучшилось. Краевой прокурор Г.Я. Мерэн в январе 1933 г. писал: «С одеждой, бельем и обувью в системе ИТУ обстоит дело не лучше, чем с питанием, по всем ИТУ края почти совершенно отсутствуют белье, верхней одежды и обуви совершенно не имеется и часть заключенных находится совершенно раздетой и их не только нельзя использовать на работах, но даже этапировать по месту назначения отбывающие меры соцзащиты – в лагеря ОГПУ, так как некоторые не в состоянии даже дойти при наличии морозов от домзак до станции...»²⁴.

Страшнейший пример в отношении ссыльных, приговоренных к исправительно-трудовым работам, отмечен в докладе Прокурору Республики. В сентябре 1931 г. Колпашевская колония (ныне Томская область) заключили с местным леспромхозом договор об использовании 700 ссыльных с ИТР на лесных работах. Леспромхоз обязывался обеспечить их жильем, продовольствием, одеждой и прочим наравне с вольнонаемными, приняв к концу октября 414 чел. В ходе проверки, организованной в ноябре месяце, было установлено, что все они живут в двух бараках, вместе: и здоровые, и больные (62 чел. находились на карантине), в том числе и тифозные, венерические и прочие, много обмороженных. В бараках находились 6 трупов, умерших в предыдущие дни от истощения и тифа. Посуды не бы-

ло – ни для приема пищи, ни для ее готовки, ни для уборки помещений.

При повторном посещении 24 декабря была зафиксирована еще более удручающая картина – отсутствовали продукты питания и печь для отопления. Вывезенные из леса и самовольно бежавшие оттуда ссыльные лежали с отмороженными гниющими руками и ногами без всякого ухода. Медфельдшер в акте описал, что «из 47 человек нужно считать живыми трупами 30–40 %, ...при немедленном улучшении питания и то 10–15 % будут умершими. ...Из 28 человек имеются с помороженными ногами, руками, обожженными, с гангрену, переломом костей и другими заболеваниями. ...Имеется один обмороженный..., у которого отгнили и совершенно отпали ноги».

С октября по январь от тифа и истощения умерли 72 чел. Колпашевское межрайонное бюро принудработ смогло организовать снабжение этих ссыльных только с 6 декабря и только хлебом – по 500 г в сутки, а в период с 28 ноября по 6 декабря ссыльные не получали ничего – голодали²⁵.

В описанном случае не было ничего экстраординарного для власти, тем более что в этом межрайбюро принудработ не был даже налажен учет ссыльных. К такому выводу пришли сотрудники краевой прокуратуры после обследования КУИТУ и краймилиции по вопросам исполнения приговоров и проведения пенитенциарных мероприятий. Вскрылось, что в милиции вообще отсутствовал какой-либо учет ссыльных, а по линии КУИТУ их использование было организовано без всякой, в смысле социальной опасности, дифференциации. В качестве подтверждения – в Томской городской милиции при проверке в феврале 1932 г. были обнаружены 1 690 дел на неизвестно куда и когда расселенных ссыльных²⁶. В такой ситуации невозможно было решать вопросы по трудоустройству ссыльных, расходованию средств на их содержание, медицинское, вещевое и продовольственное снабжение.

Что касается вопросов снабжения заключенных продуктами, то в 1930-е гг. их решение продолжалось через Наркомснаб. Основным принципом снабжения для заключенных и спецпереселенцев в эти годы стало выполнение

ими производственных заданий. Первоначально, установленные для них пайки были меньше, чем пайки вольных рабочих тех же предприятий. Но постепенно произошло их сближение. В мае 1930 г. постановлением СТО и СНК СССР пайки спецпереселенцев были уравнены с пайками вольных рабочих тех же предприятий, на которых они трудились. Вызвано это было потребностью повышения производительности труда и ускорением ввода в строй новых промышленных объектов. Но это касалось только спецпереселенцев, работавших на промышленных предприятиях.

Снабжение в лагерях шло по тому же принципу – продукты выдавались только при выполнении производственного задания, больше получают те, кто лучше работает. Но в лагере распределение продуктов зависело от многих факторов и всегда не в пользу заключенного. Пайки обычно были урезанными. Однако это не было каким-то особым исключением, т. к. даже в армии, например, мясные нормы для красноармейцев в течение двух лет, начиная с 1932 г., уменьшались дважды, сначала с 250 до 200 г. а в 1933 г. – до 175 г.²⁷

В ноябре–декабре 1932 г. ситуация с отпускаемыми для заключенных продуктами питания в регионе резко ухудшилась. В январе 1933 г. крайпрокурор Г. Мерзэн вынужден был обращаться в крайком и крайисполком с совершенно секретной запиской о неблагоприятной обстановке по данному вопросу. Осложнение ситуации было вызвано не отпуском продуктов для лиц, лишенных свободы и следовавших этапами к местам заключения через Омск и Новосибирск, в которых эти этапы должны были получать питание из расчета на 6 дней – по 600 г хлеба в день, консервы, рыбу, сахар и т. д. Для решения этого вопроса краевое управление ИТУ вынуждено было урезать пайки из фондов, отпускаемых для контингентов, находившихся в местных домах заключения.

С учетом того, что некоторые проходившие этапы совершенно не снабжались продуктами, произошли отдельные инциденты. Так, в декабре 1932 г. в Омске прибывшие с эшеленом заключенные «устроили волнения, вызвавшие необходимость оцепления вокзала с применением даже пулемета», 6 января 1933 г. этап численно-

стью в 906 чел. не был снабжен хлебом и отправлен в Новосибирск голодным.

Неоднократное урезание выделяемых продуктов привело к тому, что КУИТУ в 1932 г. недополучило: муки – 1 054 т, мяса – 42, рыбы – 50, масла растительного – 37, крупы – 165, сахару – 143 т. Пайка хлеба была урезана с 600 до 300 г, выросла смертность среди лишенных свободы от истощения, увеличилось число инфекционных заболеваний²⁸.

В 1930-е гг. вопрос о нормах снабжения в НКВД рассматривался трижды, в зависимости от продовольственной ситуации в стране, неизменной во всех случаях оставалась только минимальная норма хлеба – 400 г. – штрафная норма. Но часто оно было таким, как его описал писатель Р.В. Иванов-Разумник, имевший опыт пребывания в тюрьмах в 1919, 1933 и 1938 гг.: «В полдень (1933 г.) – кормление заключенных. Открывается форточка. В нее подаешь металлическую мисочку и тут же получаешь ее обратно, изобильно наполненную – чаще всего – селедочной болтушкой; настолько изобильно, что иногда большой палец дежурного омывается этой селедочной жижей. За все мое пребывание в ДПЗ четыре раза... был мясной суп; это можно было заключить из того, что он не пах ни селедкой, ни треской (тоже иногда попадавшей в меню «супа»). Суп съеден, ... надо успеть вымыть под краном мисочку, чтобы получить второе блюдо – почти всегда пшеничную размазну без малейшего признака масла и в количестве не столь изобильном, как первое блюдо. Еще раз гремит форточка. Кружка кипятка. Обед кончен.

В шесть часов вечера – ужин: повторение обеденного блюда и кипятков; получающие «политпаек» пользуются привилегией иметь к ужину два блюда, то есть ту же селедочную болтушку на первое».

А вот как он описал питание в 1938 г. После утренней поверки камерный староста получал фунтовые куски хлеба и миску пиленого сахара – по два с половиной куска на человека, согласно дневному рациону. «Появлялись два громадных ведерных металлических чайника с желтеньким настоем из сушеной моркови или яблочной кожуры; каждому из нас была выдана кружка, и староста разливал этот «чай».

В полдень подавался обед – вносились ведра с супом или борщом. ...По сравнению с 1919 годом (и даже с 1933 г.) прогресс был большой: порции были достаточны, а супы и борщи совсем неплохие и даже разнообразные. Каждый день меню менялось: по понедельникам бывал густой борщ из свеклы и капусты, с микроскопическими кусочками мяса; по четвергам – густой рыбный суп из трески; в остальные дни – разные супы, тоже густые. Часов в шесть вечера подавался ужин – большие ведра каши, каждый день разной и опять-таки строго по выдержанному расписанию: по понедельникам – гречневая размазня. По вторникам – пшенная каша, потом перловая, ячневая, манная и всякие другие. Не скажу, чтобы мы были сыты, но нельзя было и умереть от голода. Однако цингой заболевали, особенно проводя в тюрьме год, два, три (были и такие); и это несмотря на то, что существовала возможность...пополнять свое питание продуктами из «лавочки». После ужина – вечерний «чай», такой же, как утром»²⁹. Упоминаемая лавочка – торговые точки, открытые в тюрьмах, где заключенные могли приобретать некоторые продукты. Дело в том, что в 1930-е гг. передачи продуктов были заменены возможностью отправлять заключенным денежные переводы.

Но описанная Р.В. Ивановым-Разумником «идиллическая» картина абсолютно не была характерной для системы ГУЛАГа. В соответствии с приказом НКВД СССР № 0093 «О введении с 1 июля 1939 г. новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД СССР» нормы питания заключенных были увязаны с нормой выработки. Заключенные, не вырабатывавшие производственную норму, следственные и инвалиды должны были получать следующую норму продуктов (см. табл. 3). В зависимости от выработки производственной нормы от 60 до 99 % можно было получить от 100 до 400 г хлеба дополнительно. Этой пайки, даже с учетом «премиальных блюд», человеку, занятому физическим трудом, было недостаточно, тем более что на практике даже эти небольшие нормы не выполнялись. Из 13 наименований продуктов на практике обычно встречались

хлеб, рыба, овощи, соль. Нормы котлового довольствия заключенных каждый лагерь устанавливал самостоятельно, исходя из возможностей. Штрафные нормы были еще меньше, примерно в 2–4 раза. От постоянного недоедания – истощение и смерть. В отдельных лагерях смертность составляла 15–20 %, а число трудоспособных заключенных падало до 50 %.

Для подследственных тюрем ГУГБ НКВД и осужденных полагалось получение дважды в день горячего питания (два блюда в обед и одно на ужин). Утром, одновременно с раздачей чая, выдавалась дневная норма хлеба и сахара. Кипяток и чай давались только в обед и на ужин. Овощная норма заключенного (от 500 до 600 г в сутки) содержала следующее соотношение: картофеля – 60 %, капусты – 20 %, моркови и лука – по 6 %. При отсутствии фондов на мясо, рыбу и жиры рекомендовалось приобретать на скотобойнях мясные сбой, а в колбасных производствах – кости³⁰.

По данным Б. Нахапетова, со ссылкой на Большую медицинскую энциклопедию, по расчетам ученых-гигиенистов, суточные энергозатраты шахтеров, лесорубов, землекопов, каменотесов и др. представителей тяжелого, не механизированного труда, составляют не менее 4 500 килокалорий³¹. С учетом условий обитания, плохой одежды и других негативных факторов, включая фактическое количество пищи, доходившее до заключенных, становится понятным, что получаемые на практике продукты не могли компенсировать физических затрат.

Продуктов для заключенных не хватало, в том числе и по причине отсутствия фондов. Так, выделенные ГУЛАГу на первый квартал 1940 г. фонды на продовольствие, как и в прежние годы, не обеспечивали потребностей лагерей. По мясу они покрывались на 62 %, рыбе – на 43 %, растительному маслу – на 55 %, салу – на 26 %, сахару – на 43 %. Совершенно не предусматривалось поступление макарон. В этих условиях ГУЛАГ был вынужден пойти на сокращение всем категориям заключенных хлеба на 100 г, а для замены мяса (говядины, свинины и др.) предлагалось использовать конину³².

Суточные нормы питания заключенных в лагерях и колониях в соответствии с приказами НКВД СССР в конце 1930-х – начале 1940-х гг. (в граммах)

Наименование продуктов	№ 0093 – 1939 г.	№ 0473 – 1941 г.	№ 0463 – 1942 г.
Хлеб ржаной	600	700	600
Мука пшеничная	10	10	–
Мука подболточная	–	–	10
Крупа разная	100	–	–
Крупа – макароны	–	80	80
Мясо	30	–	–
Мясо и мясопродукты	–	25	20
Рыба	125	–	–
Рыба и рыбопродукты	–	100	60
Растительное масло	10	–	–
Жиры растительные и животные	–	15	13
Сахар	10	10	10
Чай суррогатный	2	2	2
Картофель и овощи	500	600	400
Томат-пюре	10	10	10
Перец стручковый	0,13	–	–
Лавровый лист	0,2	–	–
Соль	20	10	10
Сухофрукты	–	0,2	0,2
Мука картофельная	–	0,2	–
Калорийность	1 323,5*	2 778	2 650

*Подсчитано автором без учета калорийности рыбы.

Предложенный анализ ситуации с питанием спецконтингента пенитенциарной системы страны в 1920–1930-е гг. позволяет сделать вывод, что данная проблема так и не была решена. На протяжении всего указанного периода снабжение продуктами питания заключенных, а в 1930-е годы и спецпереселенцев, не рассматривалась партийно-советским руководством страны в качестве мер первого порядка. Причин этому несколько. Во-первых, абсолютное большинство спецконтингента было определено Государством в качестве своих врагов, с которыми можно было не церемониться. Во-вторых, их труд в любом случае обходился много дешевле, чем труд свобод-

ных рабочих и крестьян. В-третьих, продолжительность рабочего времени и установление норм выработки в абсолютном большинстве случаев определялось местным руководством из числа сотрудников ОГПУ–НКВД. В-четвертых, никакие социальные нормы и правила, характерные для обычных граждан, на них не распространялись, их жизнь ничего не стоила. Однако, несмотря на то, что результаты вложений в систему ГУЛАГа не оправдывали себя, были решены многие из поставленных перед страной задач по созданию новых промышленных центров и освоению новых территорий.

Примечания:

1. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: учебное пособие. М., 2010. С. 25.
2. *Иванов А.А.* Индивидуализация исполнения наказания в России. Теория, история и практика. М., 2010. С. 13.
3. Государственный архив Томской области. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
4. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1096. Оп. 1. Д. 61. Л. 29.
5. Государственный архив Томской области. Ф. Р-188. Оп. 1. Д. 8. Л. 4 «а».
6. Пенитенциарное дело в 1922 году... С. 41; *Тарарышкин А.П., Корнева Г.К.* Ретроспектива организации питания в России (VI–XXI вв.) // История исполнения уголовных наказаний в России: сб. статей. М., 2006. С. 30. По научным данным норма питания для незанятых и занятых обыкновенными работами заключенных составляла 2 996 калорий, а для занятых усиленными работами – 3 581 калорию.
7. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 70. Л. 99. Циркуляром устанавливалась и месячная норма мыла для личных нужд заключенного – ¼ фунта. На стирку белья, постельных принадлежностей и одежды расход мыла был определен из расчета фунт мыла на пуд белья, что в месяц в среднем составляло не более 48 золотников (204 г) на человека.
8. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 70. Л. 99. В деле 72 хранятся отчеты по довольствию заключенных за 1923–1924 гг. Новониколаевского УМЗ, во многих из них имеются пометки о замене продуктов, либо их частичной выдаче.
9. *Смыкалин А.С.* Питание в лагерях и тюрьмах Советской России: исторический аспект // Правосудие. Известия высших учебных заведений. Научно-теоретический журнал. 1998. № 4.
10. Что касается политзаключенных, то для них в августе–сентябре 1922 г. по линии ГПУ были разработаны свои нормы раскладки, которые поддержал Г. Ягода, наложивший 1 октября резолюцию: «Согласен. Для всех политзаключенных. Провести через Наркомпрод». Согласно раскладке, им полагалось: хлеба – 820 г, мяса – 220 г, жиров – 46,2 г, крупы – 100,8 г, сахара – 52,5 г, муки подправочной – 8,4 г, соли – 25,2 г, кофе – 3,36 г, мыла – 205 г на месяц. Норма по мылу была увеличена вдвое. Включение в рацион папирос – 400 шт. и 3 коробков спичек в месяц – инициатива И. Уншлихта, но при этом он уменьшил количество предлагавшихся в раскладку овощей. По данным нормам, например, стали с 1 сентября 1922 г. кормить осужденных по процессу 1922 г. эсеров. – См.: *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 524.
11. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 70. Л. 41.
12. Там же. Д. 91. Л. 199; *Тарарышкин А.П., Корнева Г.К.* Указ. соч. С. 31; *Маланкин А.Н.* Институт содержания под стражей в 1917–1933 гг. // История уголовных наказаний в России : сб. статей. М., 2006. С. 131.
13. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-1958. Оп. 1. Д. 91. Л. 166.
14. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об. 7.
15. *Макшеев В.* Спецы. Исследование. Томск, 2006. С. 21–23.
16. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993. С. 186.
17. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий в Омской области. Т. 5. С. 411.
18. Секретный циркуляр Наркомторга РСФСР о нормах снабжения спецпереселенцев продовольствием от 2 июля 1930 г. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992. С. 240–241.
19. Там же. С. 259.
20. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 80. Оп. 1. Д. 132. Л. 12; В 1930–1931 гг. на каждую сосланную семью приходилось в среднем 4,7 чел. К началу 1940 г. этот показатель снизился до 3,8, т.е. за 10 лет состав семей уменьшился почти на человека.

В Западной Сибири на 1940 г. эти показатели равнялись: в Алтайском крае – 3,3, в Новосибирской области – 4,1 и Омской – 4,2 чел. См.: *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960... С. 42–43.

21. См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг... С. 329.

22. *Земсков В.Н.* Указ. соч. С. 34.

23. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994. С. 88–89.

24. Акт медобследования первой партии трудпоселенцев, переданных Александрово-Ваховской комендатуре от 23 мая 1933 г. См.: Там же. С. 80–81, 89–100, 283.

25. Из служебной записки краевого прокурора Г. Мерэна. См.: Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

26. Там же. Д. 205. Л. 55–56.

27. Там же. Л. 47.

28. *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 92–96.

29. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 210. Л. 1.

30. *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 177, С. 288–289.

31. История исполнения уголовных наказаний в тюрьмах и колониях-поселениях России: учебное пособие. М., 2010. С. 33–34.

32. *Наханетов Б.А.* Указ. соч. С. 113,22; *Смыкалин А.С.* Питание в лагерях и тюрьмах Советской России: исторический аспект // Правоведение. Известия высших учебных заведений. Науч.-теорет. журнал. 1998. № 4. С. 84.

33. *Тарарышкин А.П., Корнеева Г.К.* Указ. соч. С. 26.